

ГРАЖДАНСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОНЦЕПТЫ И ПРАКТИКИ

Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии

Материалы круглого стола
по проблемам идентичности,
2011 – 2012 гг.

Казань
ОТЕЧЕСТВО
2012

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ГРАЖДАНСКАЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КОНЦЕПТЫ И ПРАКТИКИ**

Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии

*Материалы круглого стола
по проблемам идентичности,
2011 – 2012 гг.*

Выпуск 1

Казань
ОТЕЧЕСТВО
2012

УДК 316.4:323:327
ББК 66.3(2Рос)3:66.3(2Рос)6:66.5(2Рос)
Г 75

*Печатается по решению Ученого совета философского факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Научные редакторы

доктор политических наук А.Г. Большаков
доктор юридических наук, профессор О.И. Зазнаев

Рецензенты

доктор политических наук, профессор С.А. Сергеев
доктор философских наук, профессор Т.М. Шатунова

Г 75 Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики :
Материалы круглого стола по проблемам идентичности / под ред.
А.Г. Большакова, О.И. Зазнаева; Казанский (Приволжский) федеральный
университет. – Казань: Отечество, 2012. – 72 с. (Вып. 1. Научные семинары.
Круглые столы. Дискуссии)

ISBN 978-5-9222-0557-3

Работа выполнена в рамках темы НИР государственного задания Казанского (Приволжского) федерального университета 2012 года «Конструирование российской идентичности как основы культуры толерантности». Научный руководитель темы – профессор М.Д. Щелкунов.

Сборник содержит материалы круглого стола по проблемам идентичности, проведенного в 2011 и 2012 годах в г. Набережные Челны кафедрой политологии и кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ) совместно с кафедрой политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ. В книге анализируются проблемы, современное состояние и перспективы формирования гражданской идентичности, а также традиции и новации политической идентичности и политики идентичности.

Для академических ученых, профессиональных политиков, политических журналистов, конфликтологов, преподавателей и студентов вузов.

УДК 316.4:323:327
ББК 66.3(2Рос)3:66.3(2Рос)6:66.5(2Рос)

ISBN 978-5-9222-0557-3

© Казанский (Приволжский)
федеральный университет, 2012
© Коллектив авторов, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов	4
Круглый стол «Политическая идентичность и политика идентичности: традиции и новации» 29–30 июня 2011 г.	6
Информация о круглом столе	7
Доклады участников круглого стола	10
<i>Щелкунов М.Д.</i> Российская идентичность: проблемы и перспективы	10
<i>Зазнаев О.И.</i> Национальная (страновая) идентичность: российский и западный опыт	15
<i>Большаков А.Г.</i> Формирование общегражданской политической идентичности в России: практики экстремизма и толерантности	20
<i>Сакаев В.Т.</i> Демографические факторы российской политической идентичности и политики идентичности	26
Круглый стол «Формирование гражданской идентичности: проблемы, современное состояние, перспективы» 7 июня 2012 г.	32
Участники круглого стола	33
Стенограмма круглого стола	34
Сведения о факультете и кафедрах	68

Круглый стол
философского факультета,
кафедры политологии,
кафедры конфликтологии КФУ
и кафедры политических наук
Набережночелнинского института (филиала) КФУ

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

7 июня 2012 г.

Набережночелнинский институт (филиал) КФУ

Участники круглого стола

Щелкунов Михаил Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, декан философского факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ). Для связи с автором: Mikhail.Schelkunov@ksu.ru

Большаков Андрей Георгиевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой конфликтологии КФУ. Для связи с автором: bolshakov_andrei@mail.ru

Зазнаев Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии КФУ. Для связи с автором: political.science@mail.ru

Сабиров Аскадулла Галимзянович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Елабужского института КФУ. Для связи с автором: agsabir@list.ru

Сакаев Василь Тимерьянович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ. Для связи с автором: sakaev2003@mail.ru

Аетдинов Эльдар Хайретдинович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ. Для связи с автором: eaetdinov@mail.ru

Гиниятов Фарит Масхутович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии КФУ. Для связи с автором: politology20@mail.ru

Липартелиани Гогия Бавчиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ. Для связи с автором: gogi1957@mail.ru

Мансурова Гузель Мирсаитовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ.

Сайфутдинов Максим Ахатович – кандидат исторических наук, независимый журналист, г. Набережные Челны. Для связи с автором: seimax@yandex.ru

Стенограмма круглого стола

Ведущий круглого стола **В.Т. Сакаев** открыл заседание, представил участников и предоставил слово М.Д. Щелкунову.

М.Д. Щелкунов: Завершение учебного года в Казанском федеральном университете, в славном Набережночелнинском институте принято отмечать научными мероприятиями, посвящёнными гражданской тематике. Идея создания «моста» между головным вузом и филиалом принадлежит двум людям – Олегу Ивановичу Зазнаеву и Василию Тимерьяновичу Сакаеву, за что мы им очень благодарны. Будем эту традицию продолжать и укреплять.

Мне кажется, что каждое такое мероприятие, в котором участвуют известные специалисты головного вуза, местные коллеги, наши будущие коллеги – студенты, является знаковым событием, поскольку преследует не только академические, но и воспитательные цели. Ведь согласитесь, тема, связанная со становлением гражданской культуры и гражданской идентичности, перекликается с важнейшими проблемами развития современного российского общества, государства, его политической организации. И мы с вами не по книжкам знаем, как интересно, сложно и драматично развёртываются политические процессы в современной России. Последние события, связанные с выборами в Государственную Думу и выборами Президента Российской Федерации, – ярчайшее тому подтверждение. Наше мероприятие – это не просто обмен мнениями. Дискуссия выливается в интересные публикации, научные издания. Вот об этом я прошу сказать несколько слов «движителя», «мотора» нашего мероприятия – Олега Ивановича Зазнаева.

О.И. Зазнаев: Спасибо большое. Хотел бы поблагодарить директора Набережночелнинского института (филиала) КФУ Анатолия Николаевича Макарова и заведующего кафедрой политических наук Василия Тимерьяновича Сакаева за огромную организационную работу по подготовке ежегодных научных мероприятий. Согласитесь, для того чтобы конференция или круглый стол состоялись, коллективу и руководству нужно приложить большие усилия. Спасибо кафедре политических наук филиала и всем ее преподавателям.

Начало было положено два года назад конференцией, которая была посвящена двадцатилетию кафедры политологии. Эта конференция собрала «звёзд» российской политологии и представляла собой действительно сильное мероприятие. В прошлом году мы провели первый

круглый стол по проблемам идентичности. Он был успешным, мне кажется.

Результатом этого мероприятия стала публикация очерков «Политическая идентичность и политика идентичности». Эта монография вызвала положительный резонанс в научном сообществе. В частности, могу сказать, что буквально вчера я получил сообщение от своего коллеги из Иркутска, в котором говорится, что в «Известиях Иркутского государственного университета» выходит положительная рецензия на эту монографию. Я думаю, что это важный результат нашего заседания: мы не просто поговорили и разошлись, а есть книга, с которой могут познакомиться наши коллеги.

Приятно то, что вы, челнинские коллеги, нас поддерживаете: в этой монографии в качестве авторов выступают не только профессора и доценты головного вуза, но и здесь присутствующие преподаватели филиала. Подобные научные работы – хороший показатель «роста» молодой, но уже уверенно стоящей на ногах кафедры политических наук филиала. Я хочу пожелать успеха нашему заседанию и надеюсь, что разговор будет плодотворным. Спасибо.

В.Т. Сакаев: Спасибо, Олег Иванович. Теперь разрешите перейти к работе круглого стола. Тема нашей дискуссии – «Формирование гражданской идентичности», проблемы, противоречия, тенденции и перспективы этого процесса. Мы планируем, что обсуждение сегодня будет проходить не в формате пространных докладов, а в виде беседы. Обозначу несколько «реперных точек», несколько «граней» проблемы, которые, как мне кажется, мы должны сегодня обязательно затронуть.

Это, прежде всего, вопрос о том, что такое идентичность вообще и гражданская идентичность, в частности. Далее нужно, конечно же, обратиться к вопросу о том, как конструируется гражданская идентичность, как идёт ее формирование, а также выделить методы и технологии этого процесса. Не можем мы не коснуться российской и татарстанской гражданской идентичности, хотя и зарубежный опыт, пожалуй, будет полезен. Еще один вопрос для дискуссии: как сочетаются теория и практика формирования идентичности?

Я планирую, что наше мероприятие будет продолжаться в пределах двух–двух с половиной часов. Чтобы мы смогли затронуть все перечисленные мною аспекты, я буду регулировать дискуссию, отталкиваясь от обозначенных «реперных точек». Если никто не возражает, предлагаю работать в таком режиме.

О.И. Зазнаев: Василь Тимерьянович, предлагаю установить регламент выступлений – до 10 минут. Может быть, вопросы аудитории задавать по ходу обсуждения, а не оставлять на потом, чтобы «не снизить градус» дискуссии.

В.Т. Сакаев: Согласны, коллеги? Договорились. И еще. Я обращаюсь к присутствующим здесь студентам специальности «политология» (я вижу и первый, и второй, и третий, и четвертый курс): пожалуйста, подключайтесь к обсуждению. Хорошо? Как только назрели вопросы, поднимайте руки, сигнализируйте.

Чтобы начать наше обсуждение, необходимо обратиться к терминологии. Что такое идентичность? Что такое гражданская идентичность? Словари дают двоякое толкование этого термина: первое – осознание индивидом принадлежности к какой-то общности; второе – феномен коллективного сознания. И вот с этими вопросами я хотел бы обратиться к Михаилу Дмитриевичу Щелкунову как философу.

М.Д. Щелкунов: Да, действительно, гражданская идентичность – это факт принадлежности индивида к некой гражданской общности, включая обязательно осознание своей принадлежности и адекватные действия в соответствии с этой общностью. Второе значение термина «гражданская идентичность»: она представляет собой некий маркер, некую характерную черту общности граждан – в отличие от других общностей – культурных, национальных, государственных и т.д. Если говорить о содержании идентичности, то выделяют три момента:

– когнитивный, который связан с тем, что индивид должен знать о гражданском обществе, к которому он принадлежит;

– ценностный, когда индивид должен дать оценку общности (достойно/недостойно, хорошо/плохо, эстетично/неэстетично, возвышенно/низко);

– отношенческий, когда индивид должен решить для себя, принять или не принять факт своей принадлежности к этой общности.

Эти компоненты находятся в сложном диалектическом противоречивом единстве, далеко не всегда совпадая друг с другом по своим результатам. В частности, многие специалисты выделяют сильнейшее влияние на формирование гражданской идентичности (в первом, обозначенном мной значении термина) эмоционального фактора, который наиболее полно выражается в чувстве патриотизма. И, согласитесь, часто эмоциональный момент не совпадает с когнитивным моментом: человек может прекрасно знать историческую литературу,

осознавать, например, незавидное положение своей общности в мировом масштабе по сравнению с другими общностями, но это не мешает ему, тем не менее, любить свою Родину, как говорится, «со слезами на глазах».

Что касается формирования гражданской идентичности во втором значении термина (речь идет об отличиях одной общности граждан от других общностей), то здесь обычно специалисты выделяют важнейшую роль так называемых архетипов (в стиле Юнга) – неких образно-символических представлений, которые разделяются данным гражданским обществом. В частности, это, например, образ матери-Родины, славного прошлого, богоизбранности своей общности или ее богоотставленности. Понятно, что гражданская идентичность и в первом, и во втором значении термина предполагают друг друга. Одно без другого вряд ли может существовать.

Закончу свой краткий экскурс тем, что формирование гражданской идентичности, как первого, так и второго «сорта», связано с большим числом различных факторов: объективных – история общности, культура, язык, происхождение, территориальное проживание, политическая организация, государственная принадлежность; субъективных – целенаправленные методы воспитания, образования и, не будем скрывать, манипулятивные практики, практики навязывания соответствующей гражданской идентичности. Полагаю, кратко теория может быть ограничена вот этим экскурсом, согласны вы со мной или нет.

В.Т. Сакаев: Спасибо, Михаил Дмитриевич. На предыдущем круглом столе мы говорили о политической идентичности. А есть еще и этническая, и социокультурная, и национальная идентичность, другие виды идентичности. А мы сегодня говорим о гражданской идентичности. Где та грань проходит, которая отделяет гражданскую идентичность от других идентичностей? А, может быть, они в чем-то совпадают?

М.Д. Щелкунов: Я здесь могу ограничиться одной репликой, потому что Вы обширные вопросы поставили, я надеюсь на помощь своих коллег. В литературе подчёркивается, что, по крайней мере, если мы рассматриваем гражданскую идентичность второго сорта, второй версии, начиная с Нового времени, то есть в дискурсе национальных государств, она отождествляется с национальной идентичностью, и это, насколько я знаю, предмет этнополитики.

Если же рассматривать гражданскую идентичность второй версии уже в другом аспекте – эволюции национальной идентичности, конституировании ее в разных формах, то здесь надо, конечно, разводить национальную идентичность и гражданскую идентичность. В истории

были разные этапы общности людей, и понятно, что мы не можем отождествлять всю историю с новоевропейской и новейшей историей, когда сформировались национальные государства и гражданская идентичность совпала с идентичностью национальной: «мы – россияне», «мы – французы», «мы – немцы» и т.д. Вот этот момент в литературе подчёркивается. На остальные вопросы предлагаю ответить коллегам.

О.И. Зазнаев: Мне кажется, важные аспекты понимания гражданской идентичности были затронуты Михаилом Дмитриевичем. Думаю, в России понимание гражданской идентичности далеко не всегда адекватно европейскому, западноевропейскому. Возникает вопрос: с чем индивид отождествляет себя? Возможны два варианта такого отождествления: первый – человек отождествляет себя с государством, которое, естественно, на некой территории является самым главным, самым необходимым субъектом. Поэтому в России это осознание того, что «я – гражданин России». Как индивид понимает свое гражданство, какие представления, эмоции, ощущения у него в связи с этим возникают – это другой вопрос.

Иной вариант отождествления – это отождествление с так называемой гражданской нацией, гражданским обществом. И здесь возможны коллизии между государством и гражданским обществом. Я могу привести высказывание одного студента, который недавно во время заседания дискуссионного студенческого клуба КФУ «Политковородка» сказал: «Я люблю свою страну, но я не люблю своё государство». С точки зрения члена общества, социума, нации, здесь позитивная идентичность, а с точки зрения государства – отрицательная идентичность. Россия была в составе СССР, но никто себя не идентифицировал с РСФСР. После развала СССР осталась территория (пусть в уменьшенном виде), остались некие культурные нормы, общая история осталась, но поменялось государство. Оно стало совершенно другим. И естественно, возникает вопрос: а как спустя двадцать лет понимать эту гражданскую идентичность?

В.Т. Сакаев: То есть можно сказать, что в одном случае гражданская идентичность – синоним национальной идентичности, а в другом случае – политической идентичности.

М.Д. Щелкунов: Государственной, наверное, идентичности. Мне кажется, здесь Олег Иванович в самую болевую точку попал, когда говорил о том, что для России характерно и что является источником всех наших драм.

Э.Х. Аетдинов: Да, Олег Иванович озвучил, что у нас существовала чёткая идентификация себя с Советским Союзом, с советским обществом.

Сегодня у нас наблюдается, если можно так выразиться, недостаток самоидентификации с российским государством. Мне кажется, что одна из причин этого заключается в том, что у нас нет позитивной идентификации с российским государством. С советским государством она была, и тогда мы понимали, гражданами какого государства являлись, с удовольствием воспринимали себя таковыми, говорили, что государство сильное и могущественное, и куда бы мы ни поехали, мы могли чувствовать себя достаточно уютно и комфортно. А вот после развала Советского Союза российское государство не смогло в этом плане предоставить что-то аналогичное. У нас нет позитивной ассоциации людей с российским государством.

В.Т. Сакаев: Можно сказать, что гражданская идентичность – многоуровневое понятие или понятие, которое может определяться несколькими факторами?

Э.Х. Аетдинов: Да, можно.

В.Т. Сакаев: Из высказываний наших уважаемых профессоров я понял, что идентичность – это то, в чём должен быть заинтересован, с одной стороны, индивид, с другой стороны, общество, гражданское общество, и, в-третьих, получается, государство.

А.Г. Большаков: Да, здесь мы используем западную терминологию, а у нас изучением идентичности занимались философия, политическая наука, историческая наука, социология. И если проанализировать весь массив сегодняшней литературы, в том числе по сугубо теоретическим аспектам, который мы сейчас пытаемся разобрать, мы можем увидеть традиционное противопоставление: традиционная идентичность и гражданская идентичность. А это ещё один аспект обсуждаемой проблемы. И здесь мы уходим от деления на гражданскую и государственную идентичность, которое предложил Олег Иванович (хотя такая традиция тоже в науке есть).

Под понятие «традиция» подпадают разные и простые явления, допустим, этничность, религиозная принадлежность. Всё это может относиться к традиции. Давайте подумаем над таким простым вопросом. Если нам сейчас, участникам круглого стола, уважаемым присутствующим, дадут, например, социологическую анкету с вопросом «Какова наша национальность?», то что же мы ответим? Ручаюсь, что, скорее всего, большая часть аудитории (я не буду говорить за всех) укажет свою этническую принадлежность, например, «русский», «татарин» и так далее, а не будет писать, например, «россиянин».

О.И. Зазнаев: Я прошу прощения, маленькая реплика по поводу национальности. Наши граждане, заполняя анкету в американском посольстве, часто в графе «Nationality» пишут «Tatar», хотя на самом деле имеется в виду гражданство.

А.Г. Большаков: Это российская традиция. И здесь есть два подхода. Первый: нация – это согражданство на определённой территории. Такого взгляда придерживаются многие исследователи и, естественно, граждане, далекие от науки, но задумывающиеся над этими вопросами. Второй подход: между этнической общностью и нацией ставится знак равенства. И такая позиция тоже существует. И, как показывает последнее десятилетие, эта традиция не искоренена, в том числе в научной литературе.

В.Т. Сакаев: То есть специфика восприятия идентичности зависит от каких-либо культурно-исторических условий конкретной общности, государственности?

А.Г. Большаков: Да.

В.Т. Сакаев: И восприятие идентичности на Западе, отличается от советского, российского и постсоветского.

Э.Х. Аетдинов: У нас есть те, кто воспринимает себя в качестве французов, немцев, итальянцев, греков, а также европейцев, допустим. Говоря об этом, я ещё раз хочу акцентировать внимание аудитории на том, что Евросоюз предоставляет некую позитивную идентичность, возможность позитивно воспринимать Европу. Европейский подход интересен в этом плане. Когда, допустим, в Украине стоял вопрос о вступлении в НАТО, то выяснилось, что большая часть граждан страны к вступлению в альянс относится негативно. И НАТО отложила решение вопроса и фактически посоветовала властям Украины распространять позитивный опыт сотрудничества с НАТО.

В.Т. Сакаев: Вы затронули интересный аспект: кто и каким образом способен сформировать гражданскую идентичность? Происходит ли этот процесс естественным путём, либо идентичность – результат конструирования, целенаправленная деятельность кого-либо? И если это так, то какие институты формируют гражданскую идентичность? Вот этот вопрос мне бы хотелось адресовать Олегу Ивановичу.

О.И. Зазнаев: Спасибо, начну с вопроса понятийного плана. Во-первых, мы можем говорить о формировании гражданской идентичности как некоего процесса социализации индивида. Если мы разговор будем вести вокруг этого, то надо выяснить, какую роль в этом процессе играет

семья, школа, система образования и т.д. Второе понимание – чисто западное, американское понимание, через призму так называемой «политики идентичности» (это словосочетание у нас используется в заголовке очерков). Под политикой идентичности понимается процесс, при котором на арену вступают определенные группы, например, феминистские или сексуальные меньшинства. Они борются за идентичность, утверждают ее и пытаются отстоять право на такую гражданскую самоидентификацию. Наконец, под формированием гражданской идентичности понимается ее конструирование. И вот здесь мы упираемся в большую и дискуссионную проблему: можно ли сконструировать идентичность вообще и гражданскую идентичность, в частности?

Один подход сводится к тому, что идентичность является результатом некоего естественного процесса развития, то есть возникает в связи с происхождением человека, «правом крови», определёнными устойчивыми, укоренившимися традициями, о чем говорил Андрей Георгиевич. Согласно такому взгляду идентичность – данность, которую ни выбрать, ни поменять нельзя. Скажем, если говорить об этнической идентичности, то можно сказать «татарин по происхождению», «русский по происхождению» и т.д. Это один подход. Другой подход – прямо противоположный заключается в том, что идентичность является конструктом, и возможно конструирование этой идентичности, создание идентичности на базе некоего проекта.

Мне кажется, весь мировой опыт свидетельствует о том, что сконструировать идентичность можно. Другое дело, естественно, что «конструкторы» живут в определённой среде и ограничены в своих действиях так же, как конструктор самолёта. Последний вынужден учитывать условия, в которых самолёт будет летать, поскольку он конструирует именно самолёт, а не космическую ракету. Аналогично «конструкторы» идентичности учитывают ту среду, в которой их «конструкция» идентичности будет существовать. Если говорить о гражданской идентичности, то можно привести пример США. Соединенные Штаты – это государство, которое возникло на пустом месте в результате проекта, который был успешно реализован. Американец был создан в «плавильном тигле» путем «переплавки» разных этносов.

Если мы обратим свои взоры к Канаде, для которой проблема идентичности остро стоит, то увидим: государство тоже проводит сильную политику по конструированию идентичности, но она упирается в то, что общество является полиэтническим, полилингвистическим и

мультикультурным. В Канаде политика конструирования идентичности проводится, но с результатом не очень хорошо обстоит дело: до сих пор канадцы задаются вопросом, кто такие канадцы. Здесь я соглашусь с мнением Эльдара Хайретдиновича, который верно говорит, что идентичность не должна строиться только на отрицании, она должна иметь позитивную основу. Канадцы утверждают: «мы не американцы». Хорошо, вы не американцы, но кто вы?

Сегодня Европейский Союз озабочен конструированием европейской идентичности, поиском тех основ – политических и неполитических, культурных, религиозных, на которых он будет базироваться. Евросоюз – это пример незавершенной конструкции, которая находится пока в процессе «строительства».

В России, я думаю, нет ни попыток конструирования гражданской идентичности, ни сколько-нибудь видимого результата. Это говорит о том, что должен существовать некий проект конструирования. На заседании Совета по содействию развития институтов гражданского общества, которое состоялось в 2010 году, Д.А. Медведев сказал: «Необходимо создание новой российской идентичности, которая объединит страну. Наднациональная российская идентичность будет включать все населяющие Российскую Федерацию народы, включая народы, живущие на Кавказе». То есть получается, что проблема создания российской идентичности сведена к интеграции Кавказа.

Далее. Есть страны, где отсутствует целенаправленный проект формирования гражданской идентичности, но она, тем не менее, складывается. Например, в Китае традиции, существовавшие испокон веков, создают сильное ощущение единства, но при этом государство не играет решающую роль. Другое дело, сейчас Китай начал, мне кажется, проводить политику формирования идентичности, поскольку у страны появился вес на международной арене.

Я полагаю, что постановка вопроса о конструировании идентичности вполне правомерна. Резюмируя, могу сказать, что конструирование идентичности, во-первых, возможно, во-вторых, необходимо, и, в-третьих, есть некие пределы этого конструирования. Мы не можем на российской почве создать «российского американца» с системой ценностей, существующей в США. Это был бы проект, обречённый на провал.

Ф.М. Гиниятов: Я продолжу по поводу конструирования идентичности. Руководство Евросоюза форсировало процесс интеграции. Слишком быстро приняли страны Центральной и Восточной Европы в состав ЕС, такие страны, как, допустим, Албанию – беднейшую страну. А

потому оптимистические настроения исчезают внутри Евросоюза. Появляются пессимистические прогнозы, в том числе распад ЕС, но я думаю, что этого не произойдёт, конечно.

Далее. Существуют очевидные противоречия между старыми и новыми членами Евросоюза, противоречия между богатыми (типа Англии и Франции) и бедными странами (типа Греции и Португалии). И отсюда возникают такие настроения: высокомерное отношение немцев к бедным грекам, которых они называют иждивенцами. Нельзя поэтому говорить о том, что внутри Евросоюза существует осознание единой общности. Разграничительные линии в ЕС хорошо видны.

Что касается места России в интеграционных процессах Европы, то мы бы, вероятно, хотели, чтобы Евросоюз принял нас в свои объятия. Но мне кажется, что этого не произойдёт. По критериям приёма мы не соответствуем пока тем стандартам, которые существуют в Евросоюзе (нормальная экономика, демократические институты, отсутствие территориальных споров с соседними странами). Евросоюз в целом относится к России высокомерно, поучает, ругает нашу страну за отсутствие демократии, смотрит на нее как на сырьевой придаток.

В середине XIX века один из основоположников российской геополитики Данилевский отмечал, что Европа нас не считает своими, и мы тоже считаем себя вне Европы. И это геополитическое положение осталось. Я должен сказать, что срок действия Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве закончился в 2007 году, а новое соглашение Евросоюз не торопится заключать, потому что много претензий к нам.

Можно даже такой факт привести, что Европейский Совет по внешним отношениям провёл исследование, в котором все страны ЕС были поделены на пять групп по критерию отношения с Россией:

- 1) «солдаты холодной войны» (Польша и страны Прибалтики);
- 2) «троянские кони» России, защищающие ее интересы (Греция, Кипр);
- 3) стратегические партнёры с особыми двусторонними отношениями с Кремлём (Германия, Франция, Италия, Испания);
- 4) дружественные прагматики (Австрия, Бельгия, Болгария);
- 5) холодные прагматики, которые поддерживают экономические связи с Москвой, но не забывают и о критике России (Великобритания, Чехия, Дания). Евросоюз считает, что нужно просто поддерживать добрые отношения и относиться к России как к доброму соседу.

О.И. Зазнаев: Можно задать вопрос Фариду Масхутовичу? Мы сегодня говорим о гражданской идентичности. Где её основы в Европе? Что вообще объединяет Европу? «Мы не Европа» – хорошо. А что – Европа? Неужели только евро объединяет? Великобритания не в евро. Допустим, Греция выйдет из евро. Что является объединяющими началами, основами, позволяющими европейцам чувствовать себя европейцами при больших различиях между собой.

Ф.М. Гиниятов: Во-первых, территориальное соседство, географический, фактор.

О.И. Зазнаев: А Швейцария тоже в Европе.

В.Т. Сакаев: Общая историческая судьба, может быть.

Ф.М. Гиниятов: И судьба, и ценности, я согласен.

В.Т. Сакаев: И цивилизационные начала, которые определяют судьбу.

Г.Б. Липартелиани: Мне кажется, Европе угрожает распад. И дело здесь даже не в евро. История создания Евросоюза говорит о том, что в основу была заложена только экономическая интеграция. Это одновременно и достижение, и проблема Евросоюза. Продолжая мысль о том, как идентификация возникает, как конструируется идентичность, как создаётся гражданское общество, в том числе и в Евросоюзе, можно сказать, что в ЕС с этим большие проблемы. Евросоюз вообще следует понимать как экономическое, а не политическое объединение стран, тем более не как гражданское общество.

В этой связи я хотел бы маленький пример привести. Давайте возьмём Приднестровскую Республику и Молдову. Молдова создана строго по национальному принципу. Молдова потому и Молдова, потому что там молдаване проживают. Приднестровская Республика не строится по национальному принципу. Там вообще не спрашивают, кто ты – молдаванин или русский. И создание некоего сообщества наподобие Евросоюза в этой части мира исключено. Почему? Либо Приднестровье должно отказаться от принципа ненационального строительства государственности, либо Молдова должна отказаться от принципа национального строительства. Следовательно, существует серьёзная проблема.

Я пытаюсь ответить на вопрос, который поставил Олег Иванович, и захожу в тупик. Либо Европа создает нечто привлекательное, но пока, как мы видим, этого нет. Либо создаём мы, то есть Российская Федерация, но ведь мы не создали пока ничего подобного, к сожалению. Здесь следует,

наверное, обратиться к Конституции, но я, по-видимому, увожу тему разговора в сторону, и я этого делать не буду.

Г.М. Мансурова: Что объединяет россиян? Были попытки создать национальную идею, создать православную идею и так далее, но, как мы видим, эти попытки оказались неудачными. И с точки зрения конструирования возникает забавный момент. Нонсенс, когда потребителями средств массовой информации являются зрелые люди, среднее поколение, у которого сформированы ценности, есть патриотические чувства. А современная молодёжь использует Интернет как источник информации. Однако современное Интернет-пространство фрагментарное, неструктурированное. У государства при всех его попытках не хватает ресурсов воздействия на формирование идентичности, несмотря на наличие официальных сайтов. Эти сайты не востребованы у молодёжной аудитории. В Интернете формируется больше гендерная идентичность, нежели гражданская идентичность. Этноконфессиональные ценности, общегражданские в Интернете не формируются.

Коллеги, наверное, знают, есть такой тест для студентов «Кто я?». На протяжении многих лет я проводила мониторинг и обнаружила следующее. Молодёжь четко ощущает родственную и профессиональную принадлежность, но этничность или конфессиональность либо вообще не проявляется, либо идёт в самом конце рейтинга. Гражданская идентичность, кстати, не на последнем месте, причем определение «я – гражданин РФ» выбирается молодыми людьми достаточно часто. Мне кажется, что технологии формирования, конструирования идентичности – это серьёзное исследовательское поле, ниша, которая пока не занята.

М.Д. Щелкунов: Идентичность – это самоцель или инструмент для реализации потребностей?

В.Т. Сакаев: Нужно ли целенаправленно формировать идентичность, и каковы разумные пределы этого процесса? Каковы акторы конструирования?

А.Г. Сабиров: Почему мою гражданскую идентичность свели только к одному сущностному свойству – единению с какой-то общностью, вероятнее всего, с государством. Я, кстати, сторонник именно этого понимания. Михаил Дмитриевич говорил, что тут есть ещё второй аспект: ощущать «особость» свою, отличие своей общности от других общностей. Я согласен с этим, но опять-таки с государственным аспектом: если ощущать себя гражданином России, то я должен понимать, что я не гражданин Украины, Казахстана и так далее. Как только мы уходим куда-

то в сторону, у нас начинается путаница. Мы начали это обсуждать, не договорившись о термине, естественно, у нас возникла путаница.

Я бы хотел вернуться к гражданской идентичности. У нас в России общество разломано, государство находится в переходном состоянии. Поэтому говорить о российской гражданской идентичности сейчас очень актуально. Я своим студентам привожу высказывание Левады: «Российский человек политический сегодня не жаждет подвигов, не ценит их, поэтому в кумирах своих не хочет видеть сверхчеловека, скорее, он готов видеть кумира в неприметном чиновнике на ответственном посту, он – человек униженный, одержимый комплексами социальной, государственной, национальной неполноценности. Человек, уставший от беспорядка и беспредела. Да, он ценит свободу, демократию и плюрализм, но не склонен и пальцем пошевелить за их поддержку, скорее, он готов поддержать любого, кто пообещает навести порядок в России». Это социологический диагноз нашего человека, состояния его гражданской идентичности, его отношения к государству.

Возьмём результаты некоторых социологических опросов. По разным данным, от 32 до 35% студентов готовы немедленно уехать из России и никогда сюда больше не возвратятся, потому что они не верят в будущее этого государства. О какой гражданской идентичности этих студентов можно говорить? Если мы возьмём детей олигархов, то они уже вне России живут, как вы знаете. Вспоминая Алмонда и Вербу, можно сказать, что гражданская политическая культура – это готовность защищать свою страну, своё государство в случае непредвиденных обстоятельств. Я предлагаю идентичность понимать не только как чувство отождествления себя с государством, но и готовность его защищать, патриотизм. С этим у нас главная проблема и обстоит.

У меня возник вопрос. Традиционная гражданская культура гражданина-мещанина, гражданина-обывателя является традиционной в противопоставлении с модернизацией? Я имею в виду, есть гражданская, есть обывательская, мещанская идентичность. А портреты гражданина и мещанина мы можем нарисовать социологическими методами. Допустим, ввести 10-12 признаков. Точный портрет мы можем дать. Российский человек, мещанин, обыватель в ближайшей перспективе гражданином не станет. Наверное, к 2030-му году будет счастье в России, но мы, наверняка, не доживём. Студенты доживут и увидят, появилась ли гражданская идентичность в России или нет.

М.Д. Щелкунов: Так студенты и должны её создавать, без их участия никак. Счастье не упадёт на нас с неба. В этой ситуации молодёжь надо спросить.

В.Т. Сакаев: И всё-таки кто конструирует гражданскую идентичность? Понятно, что государство заинтересовано в этом, чтобы граждане платили налоги.

А.Г. Сабиров: Я не согласен, что в этом заинтересовано государство. В первую очередь, заинтересовано чиновничество.

В.Т. Сакаев: Так кто же заинтересован в формировании идентичности?

А.Г. Сабиров: Политологическая или гражданская элита заинтересована. У нас 500 миллиардов долларов люди держат в банках других стран. Эти люди уже не считают себя гражданами России.

Г.М. Мансурова: О каком патриотизме в России идет речь? Юбилей английской королевы – это действительно народный праздник.

В.Т. Сакаев.: Мы видим, что аксиома «государство заинтересовано в формировании идентичности» не верна?

Г.М. Мансурова: Абсолютно.

В.Т. Сакаев: Тогда кто же заинтересован?

О.И. Зазнаев: Я полагаю, что заинтересованность в конструировании гражданской идентичности исходит от элит – политических, научных, религиозных, интеллектуальных. Допустим, в России определенный вклад в создание символов и ассоциаций (белые берёзки, пейзажи средней полосы и пр.) внесли представители художественной элиты. Заинтересованность государства в конструировании идентичности – это тезис ни о чём. В этом должна быть заинтересована элита. А если она думает только о том, как набить свои карманы, то с гражданской идентичностью дело будет обстоять плохо. Именно элита должна быть патриотичной, радеющей за свою отчизну, выступающей за переустройство, необязательно революционным путём. Процесс конструирования гражданской идентичности носит элитарный характер, массы этого сделать не в состоянии.

Являются ли элементы гражданского общества, общественные организации субъектом формирования гражданской идентичности? Казалось бы, да. Но здесь есть одна опасность: гражданские объединения могут увести совершенно в другую сторону. Допустим, могут усилиться этнические компоненты, и тогда будут печальные результаты, как,

например, в Латвии и Эстонии, когда гражданская идентичность подменяется господством одного этноса. Если церковь возьмётся за формирование гражданской идентичности, то есть опасность, что эта идентичность перестанет быть гражданской, а станет сугубо религиозной. Поэтому аккуратно надо с институтами гражданского общества: да, они гражданские и способствуют тому, что появляется гражданская активность, и люди становятся заинтересованными, сопереживающими, патриотами. Но, с другой стороны, гражданские объединения могут сильно «перегнуть палку». Дело в том, что они всегда утверждают, прежде всего, свою идентичность.

Политические партии вряд ли жестко связаны с формированием гражданской идентичности. Они, конечно, заинтересованы в гражданской активности, расширении участия, но это – другое. Мне сложно представить какую-либо европейскую политическую партию, которая бы действительно выступала двигателем формирования именно гражданской идентичности. У партий своё поле, своя направленность: для них важна, прежде всего, партийная идентификация. Граждане должны себя идентифицировать в качестве консерваторов, социалистов, социал-демократов, коммунистов и т.п. Для партий это первостепенная задача. Поэтому для них гражданская идентичность уходит на второй, если не на третий план. Политические партии не способны выполнить миссию по созданию гражданственности. Таким образом, я выступаю за то, что должны быть элитарные гарантии.

В.Т. Сакаев: Тогда такой вопрос, коллеги. Мы видим, что в разных странах есть препятствия формирования гражданской идентичности, элитарные сложности. Мы – россияне не можем понять, чья это элита – наша или тех, стран, где у представителей элиты открыты счета. Какие факторы способствуют или, наоборот, препятствуют процессу формирования идентичности?

М.А. Сайфутдинов: Я могу идентифицировать, ассоциировать себя с какими-то вещами. Когда мы говорим о конструировании идентичности, всегда нужно чётко определить, с чем мы себя отождествляем – с каким набором ценностей, институтов, механизмов – это всегда должно учитываться. И эти факторы, поскольку процесс динамичный, всегда по-разному интерпретируются. Ну, вот смотрите: из паспортов исчезла графа «национальность», и новое поколение уже по-другому воспринимает свою гражданскую идентичность. Именно ценности, а не кровь и не территория страны нас объединяют. Ценности, которые присутствуют в нашем сознании.

О.И. Зазнаев: Можно выделить навязанную идентичность и органическую идентичность. Органическую – не в смысле происхождения человека, так как я говорю о некоем конструкте. Государство, особенно наше российское, советское государство, склонно к навязыванию идентичности. Вот, например, во Франции есть Министерство по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развитию солидарности. Давайте и в России создадим Министерство по делам национальной, гражданской или какой-либо иной идентичности, примем программу, распишем мероприятия... Нам скажут: «ребята, берите, мы вам на блюдечке принесли». Это будет попытка навязать идентичность со стороны государственного института, и об органическом складывании такой идентичности говорить не придется.

Г.Б. Липартелиани: Насколько я уловил момент, мы говорим о том, что формирование идентичности идет двумя путями – снизу и сверху, в том числе и в порядке навязывания. Я бы хотел обратить внимание на обложку монографии, которую я держу в руках. Здесь написано: «политика идентичности». Есть ли такая политика в Российской Федерации? Увы, она отсутствует. И даже признаков нет таковых. Нет Министерства по делам национальностей, и почему-то не предполагается.

Вопрос так стоит: мононациональное государство может себе позволить нечто подобное, а полиэтническому государству, каким является Россия, об этом следовало бы подумать. Этнические группы формируют гражданскую идентичность, в том числе политические партии участвуют ли в этом процессе, а участвует ли государство? К сожалению, в Российской Федерации мы должны констатировать, что, мало того, что не участвует, но не хочет участвовать. В этой связи, Андрей Георгиевич, как Вы думаете: сейчас модно говорить «россияне» (кстати, весьма оригинально звучит с подачи Бориса Николаевича Ельцина), и в той графе, про которую Олег Иванович говорил, мы должны писать «россияне». Но ведь этого понятия на самом деле нет.

А.Г. Большаков: В эпоху правления Б. Ельцина мы постоянно слышали следующие обращения: «многоуважаемые россияне», «дорогие россияне», а дальше никто из официальных лиц десять лет таким образом к гражданам не обращался. Наверное, нужно говорить о ситуационном реагировании государства, политической элиты на появляющиеся проблемы, когда часть молодёжи выступает на площадях с националистическими лозунгами. Это декабрь 2010 года. В январе 2011 года тогдашний Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич

Медведев вспоминает, что нам нужно формировать гражданскую нацию, гражданскую идентичность и т.д.

Когда я готовился к выступлению на круглом столе, я нашёл очень интересную вещь, которую могу предложить вашему вниманию. Прочитал ее в официальной газете – «Известия». Думаю, все понимают, что сегодня «Известия» – это такой же печатный орган, как в советское время была газета «Правда». Те положения, которые она печатает, являются элементом официальной государственной политики.

Вот, например, небольшая передовая статья, в которой предлагается создание Совета по межнациональным отношениям. Известно, что сейчас его формируют. Чем он должен заниматься? Видимо, функции многообразны, конкретного их перечисления в передовой статье нет. Второй момент – предотвращение конфликтов. Примечательно, что упор делается не на урегулировании и разрешении, а на предотвращении конфликтов. Для меня как конфликтолога это очень важное различие! Предлагается и мониторинг ситуации, видимо, на наличие или отсутствие конфликтов. Наконец, третья замечательная вещь, которая была сформулирована в предвыборных статьях Владимира Владимировича Путина, – это административная и уголовная ответственность за нарушение миграционных норм, обязательный экзамен для трудовых мигрантов на знание русского языка и истории России. Вот вам опять ситуационная реакция.

Если позволите, ещё один момент, о котором не договорили, – о субъектах формирования гражданской идентичности. Я согласен с Олегом Ивановичем, что, действительно, прежде всего, элита пытается формировать гражданскую идентичность, идеологию, но я бы имел в виду и такие группы, которые близки к элите. Вот, например, недавнее мероприятие, посвященное выходу в свет очередного труда с названием «Национальная идея», в шести (!) томах, где был наш уважаемый Президент Республики Татарстан, поехавший специально для этого в Москву. Я, к сожалению, не видел этого шеститомника. Наверное, эта книга когда-то дойдет до магазинов и библиотек, чтобы посмотреть и изучить содержание и давать точные комментарии. Но когорта авторов показательна: господин Сулакшин во главе, господин Якунин – доктор политических наук, кстати, и Сергей Кара-Мурза. Все эти люди придерживаются одинаковых взглядов, с ними можно соглашаться или не соглашаться, но это попытки интеллектуальной элиты создать национальную идею, в том числе там есть красивые слова и о гражданской идентичности.

Вопрос заключается в том, кто об этом событии в России из граждан знает? Наверное, мы – сидящие за этим столом, представители экспертного сообщества в других регионах России. Думаю, за границей об этом тоже особенно не раздумывают, потому что проблема нашей идентичности – это проблема россиян, прежде всего. В этой связи возникает другой вопрос: а как нам добиться того, чтобы было понимание на уровне граждан, на уровне обывателей, мещан, того, чтобы эта идеологема позитивной гражданской идентичности была в мозгах каждого человека? Мне представляется, что на сегодняшний момент таких условий нет, и поэтому элитные группы будут существовать отдельно от граждан, которые вырабатывают свои идеологемы снизу. Одну мы видели на примере Манежной площади в Москве в 2010 году. Другие проявились, вроде бы, сейчас. Я имею в виду события, связанные с выборами в Государственную Думу. Когда говорят, что это элементы формирования гражданского общества, наверное, с этим можно согласиться. Но это не формирование полноценных структур гражданского общества. Достаточно оценить протестные выступления в провинции, например, в Казани. Кто выступал против, «нечестных выборов», против «фальсификаций на выборах»? Это члены немногочисленной местной политической «тусовки», к ним примкнуло определенное количество студентов... и... всё. Называть это гражданским обществом нельзя. Говорят, что «на улицы вышел средний класс». Я, честно говоря, не обнаружил представителей среднего класса среди вышедших, и поэтому такая оценка – очередной конструкт ряда средств массовой информации, если подходить к этому достаточно объективно.

Г.М. Мансурова: Андрей Георгиевич, можно, наверное, уточнить, что, скорее всего, в российском обществе не существует на сегодняшний момент потребности в массовом сознании в формировании любой общенациональной идентичности.

В.Т. Сакаев: А вот это вопрос. Идентичность – это цель или инструмент? То, о чем говорил в своем выступлении Михаил Дмитриевич.

А.Г. Сабиров: Господа-участники дискуссии! Философу режет ухо, когда говорят: «все выходят». Но если мы с социологической точки зрения это оценим, то патриоты у нас есть, их не так много, идентичность тоже у нас есть... И «все» не выходят, естественно. Поэтому лучше, видимо, говорить, что «некоторые люди выходят». Это более точное высказывание.

О.И. Зазнаев: Действительно, может быть не следует так категорично рассуждать, что нет идентичности, вообще нет. Мы что, на луне живем? Идентичность есть, но она очень слабо выражена, понимаете.

Правильно здесь было сказано, она многослойная. Человек по-разному себя идентифицирует с разными общностями, с разными группами. Для кого-то важна локальная идентичность, для кого-то – региональная идентичность, например, «татарстанец». Для кого-то важна этническая или конфессиональная идентичность. Еще раз повторю: идентичность как пирог многослойная, и в этих слоях мы можем обнаружить гражданскую идентичность. Одни слои толстые, а другие – тонкие, еле заметные. Не исключено, что «слой» гражданской идентичности не такой широкий, как нам хотелось бы, а потому мы его «не видим». Но сказать, что идентичности вообще нет, и мы не знаем, где мы живем, кто мы такие, как с Россией связаны, наверное, было бы неправильно... Связь с Россией есть, но характер и интенсивность, если можно так выразиться, этой связи различна в разные эпохи и у разных групп людей. Поэтому категоричность в этом вопросе не нужна.

Г.М. Мансурова: Есть разные поколения, есть совершенно разная степень формирования гражданской идентичности.

Э.Х. Аетдинов: У меня, в этой связи, есть некоторые мысли. Человек – существо социальное. И он всегда себя идентифицирует с какими-то группами. Важно, чтобы эта идентичность действительно была позитивной. Если этим не займется государство, то эту незанятую нишу кто-нибудь другой займет, и на первое место выйдет какая-то другая идентичность. Человек может идентифицировать себя необязательно со страной в целом, государством, а он может себя идентифицировать, допустим, с каким-то локальными или региональными группами и т.д. И, действительно, тут невозможно предугадать результат.

В частности, я бы хотел задаться таким вопросом применительно к России. Что есть политика в российском мультикультурном обществе – это фактор общественного согласия или политической мобилизации? Современной политической науке известно множество типов этнополитики: на одном полюсе, этнополитика, допустим, расизма, дискриминации, а на другом полюсе – политика мультикультурализма. У нас в стране любят критиковать эту политику. Критикуют часто незаслуженно как стимулирующую и институционализирующую некие этнические различия. Но мне кажется, забывают при этом об одном очень важном аспекте: о том, что политика всегда должна быть адекватной сложившимся в обществе условиям, сложившейся ситуации, сложившимся идентичностям, в конечном счете. И в данном случае, мультикультурализм нельзя воспринимать только как государственную политику, её можно воспринимать как некую ситуацию в обществе. И такого четкого

восприятия этой реальности на государственном уровне, на мой взгляд, не существует.

Чего только стоит констатация такого факта, что у нас концепция национальной государственной политики была принята в 1996 году (!) и давно раскритикована с разных сторон, можно сказать, толком не начала действовать, и ничего альтернативного власти не смогли предложить. Фактически все 2000-е годы у нас этнополитика существует под запретом. То есть её отрицают вообще как необходимое на данный момент действие власти. И к чему это привело? Фактически к рецидиву этнического национализма. Декабрь 2010 года – протесты молодежи на Манежной площади.

Я хочу привести данные одного исследования, которые, кстати, разнятся и контрастируют с некими данными, которые уже были приведены в дискуссии. Речь идет об анализе, который был проведен в ноябре прошлого 2011 года, в нашем городе (*Набережные Челны – прим. ред.*) кафедрой политических наук Набережночелнинского института КФУ. Сразу отмечу, что исследование не может претендовать на репрезентативность по следующим соображениям. Дело в том, что у нас при переписи населения не учитывается множественная идентичность, то есть дети от смешанных браков. В этом исследовании было опрошено 266 человек, представители студенческой молодежи в возрасте от 18 до 21 года. Среди них 7,5% – дети от смешанных браков – русских и татар. Остальные – русские и татары в равной пропорции. В исследовании принимал активное участие итальянский ученый, находившийся на стажировке в Набережночелнинском институте КФУ.

Что показал этот опрос, в котором респонденты напрямую не указывали свою этническую принадлежность? 54,7% студентов отметили, что этническая принадлежность «важна». Из них 34,7% указали, что «абсолютно важна». И только 13,6% сказали, что для них это неважно. При этом татары придали большее значение этому фактору, чем русские. 47,5% опрошенных заявили, что религиозная идентификация для них важна. Большинство респондентов (более 95%) указали, что они не испытывали дискриминацию по религиозному признаку. Всего 11,7% респондентов согласны с тем, что подвергались дискриминации на этнической почве.

Г.М. Мансурова: Социологически важен вопрос, какие возрастные группы опрашивались в этом исследовании.

Э.Х. Аетдинов: Я уже говорил: от 18 до 21 года. Это студенческая молодежь.

А.Г. Большаков: А метод сбора информации какой использовался?

Э.Х. Аетдинов: Я ещё раз хочу сказать, это исследование не может претендовать на репрезентативность. Это анкетный опрос. Здесь выбирались не просто желающие отвечать на вопросы, а опрашивалась целиком студенческая группа, анкета раздавалась всем. Мне представляется, что данное исследование косвенным образом объясняет и рецидивы этнического национализма в нашей стране, которые мы получили в декабре 2010 года. В настоящий момент опять-таки усилена этническая самоидентификация. Это вполне закономерное следствие той политики, которая велась в течение первого десятилетия XXI века в Российской Федерации, когда фактически этим вопросам не уделялось достаточного внимания.

Г.Б. Липартелиани: Никакого внимания не уделялось. Но все-таки, я ещё раз хочу сказать, что так или иначе гражданское общество способно как-то себя проявить. Как вы думаете, а существует ли у нас возможность действительно сконструировать российское гражданское общество в XXI столетии?

А.Г. Сабиров: Наш «междусобойчик» – это типичный пример гражданского общества.

Г.Б. Липартелиани: Да, но если мы выйдем за пределы нашего здания мы увидим другую ситуацию.

Г.М. Мансурова: Мы будем долго искать гражданское общество.

Г.Б. Липартелиани: Да. Что первично – государство или гражданское общество? Прежде всего, политика государства первична. Почему? Как-никак это государство, понимаете, обладающее всеми признаками суверенности. Следовательно, государство, по-моему, не последнюю роль должно играть в строительстве гражданской идентичности.

В.Т. Сакаев: Перейдем к следующей «реперной» точке. Какими инструментами возможно конструировать гражданскую идентичность? Мы сказали, что в принципе ее можно создать. Это нужно и для гражданина, и для элиты, возможно в некоторых случаях и для государства даже.

О.И. Зазнаев: Для любого государства нужно.

В.Т. Сакаев: Для любого.

А.Г. Сабиров: Мы с коллегами и студентами обсуждали эти проблемы. Еще один существенный признак гражданской идентичности

обозначу: гордость за достижения своей страны. Россия – правопреемница Советского Союза, но этим можно гордиться.

Всего 5 стран обладают правом наложения вето (*в Совете Безопасности ООН – прим. ред.*). У нас есть ядерные ракеты, которые позволяют нам сохранять свою национальную безопасность. Я уж не говорю о балете, спорте и пр. вспомните стихи Высоцкого. Есть, безусловно, достижения, даже не смотря на то, что Россия потеряла некоторые позиции, ослабла.

Я хочу описать одну оригинальную ситуацию. Когда нас за границей спрашивают: «Ты кто?». Мы, допустим, отвечаем: «Я татарин». Следует новый вопрос: «Кто это такой? Где находится Казань? Мы не знаем». Почти все – татары, грузины и пр. говорят: «мы русские». То есть они относятся к нам как к русским, не советским людям. Это - первый сюжет.

Второй сюжет. Я был в Китае. Нас сопровождал китайский чекист-переводчик. И после литра выпитой водки он ответил на вопрос, который нас интересовал, как китайцы к нам относятся? Он сказал две вещи, обидные для нас. Первое: «Вы, конечно, старшие братья, нам помогали!» Второе: «Вы неудачники. Вы великий эксперимент, который проводили, завалили. Лидеры мы – великие китайцы. А вы сейчас неудачники». Из уст китайца это было слышать обидно, конечно. Вот это, на мой взгляд, и есть – гражданская идентичность. Гордиться за свою страну. Если какая-то война начнется, кафедру бросим, пойдём в партизаны, и будем воевать на стороне своих войск, а не чужих. Ощущать, что вот это наша Родина. Не малая родина, а Россия – наша Родина. Вот едем мы за рулем – это наши поля, наша Родина. Такие люди есть, такие чувства есть. Так что не все потеряно.

В.Т. Сакаев: А как все-таки это формировать патриотизм, как формировать гражданственность?

А.Г. Сабиров: Личным примером, например. Начинать, наверное, действительно с малой родины. Это более понятно для людей.

Г.М. Мансурова: Остановлюсь на одном из каналов формирования гражданской идентичности. Мы прекрасно знаем, что у нас появилось в последнее время два сериала – социальный заказ государства. Это «Солдаты» и «Кадеты». Это попытка как раз формировать чувство патриотизма, позитивный образ защитника Отечества. Начиная с кадетов. Это же младший возраст, это ещё школьники, а уже старшие - студенты. Кстати, на мой взгляд, срабатывает.

В.Т. Сакаев: Телевидение манипулирует.

Г.М. Мансурова: Конечно, оно манипулятивно. Причем сработали «Солдаты». Один студент, насколько я знаю, даже бросил вуз и пошёл добровольно в армию. Он посмотрелся на эту сказку и пошёл. То есть срабатывает, так или иначе.

А.Г. Сабиров: Самое главное здесь – родители, они должны своим детям сказать: «Вот это твой родной дом, вот это твоя родная деревня или город, вот речка где ты купался, рыбачил, это твоя Родина».

Все: Семья, семья, в первую очередь.

А.Г. Большаков: Тогда это уже не гражданская идентичность.

Г.М. Мансурова: Да и семейные ценности сейчас размыты.

О.И. Зазнаев: Мне вспомнились результаты одного опроса общественного мнения. Сейчас в 2000-ые годы, россияне больше всего гордятся не какими-то политическими вещами, а достижениями в спорте, космосом, победой в Великой Отечественной войне, Пушкиным. Вот такие приоритеты. А в политическом, социально-экономическом плане – они испытывают чувство стыда. То есть людям стыдно за социальную политику, которую проводит государство, за то положение, в котором находятся пенсионеры, инвалиды и т.д. Им стыдно за политику вообще. А все элементы гордости они переносят на сугубо неполитические, негосударственные вещи.

В.Т. Сакаев: Вопрос приватизации ценностей.

Сабиров А.Г.: Это как раз гражданская идентичность, а не политическая. Поэтому я и предлагаю различать понятия. Гражданская идентичность – это не этническая и не политическая идентичность. Человек ощущает себя единым со своей родной страной, с государством – вот что такое гражданская идентичность. Он готов защищать свою страну.

Г.М. Мансурова: Не с государством, с Родиной!

А.Г. Сабиров: С Родиной. «Наша Родина хоть и уродина, но она мне нравится». Мне кажется, этот отрывок из песни Шевчука уместно вспомнить.

В.Т. Сакаев: Вопрос Михаилу Дмитриевичу. Образование является каналом формирования идентичности?

М.Д. Щелкунов: Бесспорно. Здесь опять мы сталкиваемся с пресловутой российской спецификой, которая постоянно всплывает. Скажу о модернизации российского образования, которая сегодня развивается. Первая позиция. Если нам брать за эталон формирования гражданской идентичности западноевропейский образец, о чём здесь Олег

Иванович уже говорил, то известно, что в истоках формирования гражданского общества стоял западноевропейский университет. Те нормы, ценности, стандарты, которые западноевропейский университет вырабатывал, начиная с нового времени, он начал транслировать на общество. И только благодаря этому, общество, перенимая эти ценности, становилось гражданским в классическом понимании – как система негосударственных институтов, которые должны препятствовать неоправданному вмешательству государства в жизнь общества – знаменитый идеал западноевропейской демократии. Если посмотреть на Россию с этой точки зрения, то наши университеты за их почти 300 летнюю историю, создавались всегда государством и преследуют, в первую очередь, интересы формирования государственной идентичности, что вообще говоря, расходится с западноевропейским идеалом.

Г.М. Мансурова: Хотя традиции, в общем, могут быть...

М.Д. Щелкунов: Может быть, да. Для России это как раз её вариант. Я не спорю. Что мы наблюдаем сегодня? После некоторой либерализации университетской жизни 90-х годов XX века, чему мы все с вами свидетели, сегодняшняя реформа идет опять-таки по государственному заказу. Государство является двигателем модернизации, хотя как будто бы преследует цели конституирования системы образования в рыночно-массовом демократическом обществе. Это раз. И, во-вторых: государство, самым ходом этой модернизации, созданием совершенно новых образовательных институтов, скажем системы федеральных университетов, отчетливо показывает их социально-политическую ангажированность. Ну, вот возьмите, мы сейчас с вами сотрудники федерального университета. Если вы посмотрите, как создавались университеты в Европе или хотя бы в России доперестроечных лет, становится очевидным, что федеральный университет как новое изобретение современной власти (такой системы не знает ни одна страна мира), – это учреждение, которое, хотя имеет крышу научно-образовательного учреждения, в первую очередь, создается как социально-государственный, ангажированный инструмент по вполне понятным основаниям.

Посмотрите, во-первых, кто выступает учредителем федеральных университетов – федеральный центр. К чему университеты «привязываются»? К государственно-территориальной структуре. Всегда ли развитие науки и образования связано с наличием территориального округа? Нет. Во-вторых, федеральные университеты четко «привязываются» (один или два, в крайнем случае) к округу.

Распоряжением правительства руководителем назначается представитель чиновной элиты. И задачей своей он ставит проведение государственной образовательной политики.

Что это означает для такой страны, как Россия с её полисубъектностью, полиэтничностью, поликонфессиональностью, мультикультурным развитием? Россия, как и любая большая страна, да ещё и такая пестрая, постоянно находится под угрозой внутренних распадов, склок и т.п. Понятно, что задача центральной власти – экономическими, политическими, силовыми, правоохранными «скрепами» удержать этот огромный 140 миллионный организм от распада. С этой точки зрения, создание федерального университета – это образовательные скрепы, которые призваны сцепить, во-первых, образовательное пространство России в единое пространство, и, во-вторых, через образовательное пространство, в конечном счете, быть инструментом политической государственной регуляции.

С этой точки зрения, данный процесс – своего рода «откат» от европейских университетских традиций построения гражданского общества. Не мне вам говорить, без особых комментариев, федеральные университеты жертвуют академическими ценностями, то есть ценностями гражданского общества, которые традиционно в Европе университет развивал, а мы к этому как будто стремились в былые годы. Сейчас это цена вопроса. То есть государство всей системой модернизации образования, созданием узкой группы привилегированных федеральных и национально-исследовательских университетов, говорит: «В отличие от других вузов вы получите мою поддержку, патерналистское отношение, гарантированную обеспеченность ресурсами, но одной ценой – я буду диктовать вам, в первую очередь, чему учить, как учить, а самое главное, какую проводить политику, а вы должны забыть о былой академической свободе, по крайней мере, серьезно ею пожертвовать». Вот такой вывод.

Скоро появится моя статья в научном журнале на этот счет. Название ее: «Государство и образование: модернизация по-российски». Я далек от оценок плохо это или хорошо. Все зависит от того, как подходить к этому вопросу. С европейской точки зрения это, конечно, нонсенс. Повторяю, мы лишаемся традиционных, пусть неполновесных, но все-таки источников воспроизводства и транслирования в обществе эталонов гражданского общества. В университетах сосредоточена та элита, которая более-менее адекватна гражданскому обществу: научная, творческая, интеллектуальная. Но, с другой стороны, думается, а, может быть, у России нет другого варианта – с её традицией, с её отношением к

государству: «дай», «помоги», «обеспечь». Мы очень хорошо можем говорить о европейской свободе, о гражданском обществе, а в душе только и мечтаем, что бы нашелся государственный чиновник, который всё здесь упорядочивал, чтобы было спокойно, тихо и культурно.

Г.М. Мансурова: Двести лет эти академические традиции существовали...

М.Д. Щелкунов: Ну и что?

Г.М. Мансурова: То есть, сегодня их нет?

М.Д. Щелкунов: Я просто хочу сказать, что если мы ими не жертвуем, то, по крайней мере, серьезно уступаем. Это цена сделки, я вас уверяю. А те, кто этого не хочет, пусть отстаивают свой академизм, но при этом пусть выживают самостоятельно, без господдержки.

В.Т. Сакаев: А можно такую проблему предложить для обсуждения: какова взаимосвязь идеологии и гражданской идентичности? Нужна ли идеология как фундамент гражданской идентичности? Вот я вернулся из Белоруссии, там на всех специальностях в гуманитарном цикле есть дисциплина «Идеология».

Все: Белорусская, государственная идеология.

В.Т. Сакаев: А вторая, кстати, дисциплина, которая также обязательна для изучения – «Права человека». А потом только изучается политология. Это три политологические дисциплины, которые изучает каждый – технарь, экономист... все изучают. На конференции коллеги обсуждали вопросы формирования белорусской идентичности. Они её увязывают с Великим княжеством Литовским, именно оттуда берутся корни государственности. И очень, кстати, активно, обсуждали проблему России. Белорусские проблемы не затрагивали, но российские проблемы активно обсуждали. Говорили о том, что причина проблем России именно в области формирования национально-государственной идентичности (но в принципе я думаю, это можно транслировать и на гражданскую идентичность).

Белорусские коллеги утверждают, что у нас нет идеологии. «Почему у вас нет идеологии?» – спрашивают они. Гости из России отвечали, что у нас Конституция запрещает наличие обязательной государственной идеологии. Вот в связи с этим вопрос, а возможна ли гражданская идентичность без какой-то идеологической базы? Учитывая наше мультикультурное общество, учитывая нашу историю, которая менялась: царская Россия, советские ценности и сейчас новые ценности

либеральные. В условиях российской действительности идентичность без идеологии возможна?

Вопрос может быть рассмотрен в нескольких плоскостях: или одна идеология, или наличие нескольких идеологий, которые могут между собой как-то конкурировать? И второй момент: либо идеология в виде каких-то знаков, ценностей, либо это политика, которая, наверняка, будет осуществляться через систему образования.

М.Д. Щелкунов: Она не может быть принята. Возможна скрытая форма, де-юре Конституция отрицает...

А.Г. Сабиров: Кстати, старая идея «россияне» – хорошая идея, зря её забыли. Тем более, если мы пойдем по пути национализма, не федерализма российского, то Россия как таковая не сохранится, на мой взгляд. А идеи «Мы россияне», «Россия – Великая страна» имеет гены, несмотря на разную этническую принадлежность. Мне кажется вот эту идею (может быть она ненаучная, идеологическая) нужно развивать, продолжать. Идея «советского народа», на мой взгляд, была очень хорошей, масса проблем решалась с помощью этой идеологемы. То же самое можно сделать и с идеей «россияне». Мы – россияне все-таки. Только не в американизированной интерпретации Б. Ельцина, конечно.

Г.Б. Липартеллиани: Может ли элита выступать в качестве самостоятельного субъекта конструирования гражданской идентичности? Вообще-то не может. Почему? Элита может быть проводником, а не носителем. Это было во все времена, и это пока остается так. Интеллектуальная элита действительно может подать какую-либо идею, что-то сгенерировать. Вот, может быть, после вашей публикации, Михаил Дмитриевич, как раз это и произойдет. Но я действительно думаю, что государственная структура должна быть на это способна. То есть выработать нечто с помощью экспертного совета. Или что-то в этом роде.

Как конструкт должен быть создан? Конечно, как же без идеологии? Например, более-менее успешное сообщество, вот Вы (*обращается к А.Г. Сабирову – прим. ред.*) говорили о китайском сообществе, там разве обходится без идеологии? Там идеология на первом месте. А давайте обратимся, например, к США. Разве там обходятся без идеологии? США успешная страна, потому что есть идеология. Я не знаю других примеров. Как только в Северной Африке идеология стала давать сбой, произошли известные события. Там, где срабатывает идеология, гражданская идентичность работает и функционирует нормально. А где не срабатывает, там происходят катаклизмы. Причем гражданского масштаба.

Э.Х. Аетдинов: Мне думается, что здесь мы говорим о следствиях, а не о причинах. Может ли быть экспертное сообщество или интеллектуальная элита быть субъектом или проводником политики идентичности? Может и, безусловно, должна. Но другое дело, что для этого нужны нормальные условия в обществе: для этого нужна, прежде всего, экономическая и политическая конкуренция. Если этого не будет, тогда интеллектуальная элита, её источники существования целиком будут зависеть от воли государства.

Если государство выделяет какие-то деньги, то интеллектуальной элите нужно работать на конструирование гражданской идентичности. Для эффективной деятельности интеллектуальной элиты нужна нормальная экономическая и политическая конкуренция. Тогда, действительно, возникают независимые субъекты общественно-политической жизни и аналитические сообщества. Когда нет реальной конкуренции в экономике и политике, то нет и независимой интеллектуальной элиты.

Мне показалось, в Вашем выступлении (*обращается к Г.Б. Липартеллиани – прим. ред.*) есть такой вопрос, а может ли общество жить без идеологии вообще?

Все: Мы, в общем-то, живем ... выживаем.

Э.Х. Аетдинов: Здесь были приведены примеры китайского, американского обществ, обозначена роль идеологии или ее отсутствия в развитии этих обществ. Другое дело, что, наверное, у американцев есть своя идеологема. Пусть она не зафиксирована в Конституции, пусть они и живут без официальной идеологии в нормативно-правовых документах. У них есть своя идеология: «Америка – это свободная страна».

Ф.М. Гиниятов: Либеральные ценности.

Э.Х. Аетдинов: Либерализм, либеральные ценности на первом месте. Вот это, наверное, и есть та идеология, которая питает это общество, которая является источником её развития.

В.Т. Сакаев: Мы здесь подходим к такой проблеме: должна быть элита, которая могла бы генерировать, проводить, либо поддерживать формирование гражданской идентичности. Мы сказали о том, что на университеты сейчас возлагается иная функция, они уходят от академических свобод, переходят к трансляции государственного понимания проблем.

Эльдар Хайретдинович говорит об отсутствии конкуренции. Мы все, наверное, можем согласиться, что, в общем-то, у нас есть некий недостаток

конкуренции и политической, и экономической в стране, что тоже препятствует формированию гражданской идентичности. Естественным путем она у нас не возникла, формировать её нужно.

Следующий вопрос хочу поставить в таком ключе: каковы перспективы формирования российской идентичности? Она может быть сформирована в ближайшее время? На каком фундаменте она может быть сформирована? На фундаменте «россиян», например. Какими методами? То есть мы видим набор средств, которые применяют государства сейчас, гражданское общество, но они не всегда оказываются эффективными. Может быть, мы как интеллектуальная элита, как раз и выработаем новые технологии формирования идентичности, которые сделают наше общество успешным и предложат новые ценности, которые позволят нам сформировать жизнеспособную гражданскую идентичность. Вот в этом ключе мне бы хотелось продолжить разговор.

Э.Х. Аетдинов: Я бы не согласился с тем, что идентичность у нас естественным путём не сформировалась. Она у нас есть. У человека множественная идентичность – социальная, гражданская, политическая. И проявления её – различны. Другое дело, что она постоянно испытывает некое силовое воздействие со стороны государства и, я бы сказал, далеко не самое лучшее. То есть, есть некая естественная, то есть уже существующая идентичность, а есть различные акторы, которые на неё воздействуют с разных сторон. Другое дело, что действие одних факторов может быть ослаблено, а другие, соответственно, проявляются сильнее, и как они действуют, в каком направлении. Вот сейчас мне представляется, что государство действует не самым удачным образом.

В.Т. Сакаев: Я думаю, что, здесь нужно обозначить маркеры, по которым можно судить, сформирована гражданская идентичность или нет. По каким признакам можно оценить, есть в обществе гражданская идентичность или нет? Исходя из этого, на мой взгляд, мы можем понять, на какой стадии формирования гражданской идентичности находится российское общество.

А.Г. Сабиров: Я бы хотел два нюанса обозначить. Первый. Все мы знаем, что история циклично развивается. Если возьмем цикл Кондратьева, мы сейчас на спаде находимся, но подъем обязательно будет. Если студенты спрашивают: «Счастье в России будет?», естественно будет. Но только не сегодня, а когда мы выйдем на стадию цикла развития. То есть объективно потребность в гражданской идентичности все равно увеличится.

Второй момент. Нельзя преувеличивать роль интеллектуальной элиты. Я думаю, что для того, чтобы усилилась тенденция к осознанию своей Родины, нужен какой-то внешний толчок, внешняя опасность. Если, допустим, НАТО соберется на Россию, после Югославии ... или китайцы десятиmillionную армию поставят около границы России, я уверен, что у нас масса людей сразу будут чувствовать себя патриотами и гражданская идентичность резко повысится.

М.Д. Щелкунов: А как вы смотрите на то, что по существу эта инвазия уже давно на Дальнем Востоке идет, и, вместо, как Вы говорите, выражения патриотических протестных настроений наши девушки выходят замуж за китайцев, идет натурализация последних.

А.Г. Сабиров: Чем внешняя опасность хороша? «Пятая колонна» сразу уйдет, останутся настоящие граждане России. И тогда страна воспрянет.

В.Т. Сакаев: Можно вернуться к началу дискуссии. Михаил Дмитриевич сказал о том, что идентичность – это осознание человеком принадлежности к какой-то общности. Чтобы была идентификация и стремление индивидов увязывать себя с какой-то группой, с каким-то социумом, должны быть привлекательные моменты в этом обществе. Разве нет? Конечно, есть идентификация этническая, страновая. Но, в целом, мы же будем стремиться к каким-то позитивным примерам, характеристикам, которые будут привлекать нас как-то.

О.И. Зазнаев: Да, можно создавать позитивные образы в глазах людей.

В.Т. Сакаев: Да. Вопрос в том, что должно быть позитивного в российской гражданской идентичности, чтобы россияне «западали» на неё?

О.И. Зазнаев: Всё!

В.Т. Сакаев: Всё. А может ли стать в XXI веке основой гражданской идентичности России причастность россиян к сырьевым ресурсам своей страны? Разве это не элемент гордости? Если мы будем все знать, разве мы не будем стремиться отстаивать и сохранять свою государственность? Не только через виртуальность и пропаганду.

Ф.М. Гиниятов: Сегодня в стране часто используется такой лозунг: «Россия – великая энергетическая держава!» Звучит «гордо».

В.Т. Сакаев: Может быть, если бы мы все соучаствовали в доходах от сырьевых ресурсов страны, то наверно, гражданство было бы очень

привлекательно. Наверное, очередь бы стояла на получение российского гражданства.

А.Г. Большаков: Можно пару слов сказать? Здесь мы говорим о более сложных конструктах. Есть известное высказывание А. Грамши: если кризис возникает где-нибудь в Европе, то на смену государству приходит гражданское общество. В современной терминологии – гражданская идентичность. Если кризис возникает в России, то, по мнению А. Грамши, на смену государству не приходит ничего. Возникает анархия, возникает нестабильность. Мы теперь об этом тоже хорошо знаем, если возьмем исторический опыт и проанализируем его.

Поэтому все, что мы можем, – это, наверное, вот таким образом собираться, создавать какие-то интеллектуальные продукты, и в этом плане мы ничем не хуже и не лучше тех, кто шесть томов. Мы можем так же претендовать на свой интеллектуальный продукт в результате дискуссии. Вопрос ведь в том, будет ли это учитываться, будет ли на это кто-то обращать внимание?

Очень показательно, что присутствующие здесь студенты притихли или своими делами занимаются. Дискуссия идет сама по себе, а большинство студентов – вполне свободны от нее. Очень показательная ситуативная вовлеченность людей (или, вернее, ее отсутствие) в проблематику гражданской идентичности.

Наверное, есть момент и негативной гражданской идентичности. Действительно: «Еду я на родину, пусть кричат «Уродина!», она мне нравится, хоть и не красавица». Но я же не на Запад еду. Мы же в большинстве своем все-таки возвращаемся, не все же нацелены уехать в другие страны. Безусловно, мы знаем, что есть государства, которые имеют высокий уровень жизни.

А.Г. Сабиров: ... Шевчук объяснил это так: он едет куда-то в свою деревню не из заграницы, а из какого-то города, допустим, Уфы.

А.Г. Большаков: Опять малая Родина. Это к идее разобщенности. На мой взгляд, мы не ушли от времен А. Грамши. Мне представляется, что гражданская идентичность целиком должна быть связана именно с государством. Государство формирует гражданскую идентичность, в том числе и через сферу образования. Современное российское государство перегибает палку в своих ответных действиях по локализации общественно-политических протестов. Нельзя наказывать людей за то, что они постоянно формируют различные группы, объединяются, даже с политическими целями. Поэтому речь идет о том, чтобы государство было

бы не слишком репрессивным, а вот задачи гражданских структур, пусть и разорванных, локальных, неэффективных и пр. – другие. Государство должно проводить ту политику, о которой гражданские структуры могли бы иметь представление и определенные каналы воздействия для ее изменения.

Государственная политика вырабатывается разными акторами. Она не формируется одним Президентом, Председателем Правительства или многочисленными безликими чиновниками. Она должна вырабатываться в рамках всего российского общества. Возникает вопрос: «Почему к этому обществу не прислушиваются?» Скорее всего, мы как экспертное сообщество можем анализировать какие-то риски формирования гражданской идентичности, исследовать, почему не появляется общегражданская идентичность. Из всего, что мы сегодня сказали, по моему, вырисовывается в основном негативная тенденция в плане перспективности формирования общероссийской гражданской идентичности.

В.Т. Сакаев: На такой «оптимистичной ноте», я думаю, мы, наверное, сегодня нашу дискуссию закончим. Перейдем к вопросам и репликам, которые появились у присутствующих здесь студентов. Пожалуйста, высказывайтесь.

Студент: Я хочу вернуться к вопросу, который задавал Василь Тимерьянович, по поводу построения модели гражданской идентичности и методов управления идентичностью в целях государства. Если мы возьмем определенные методы достижения этой идентичности, то, это, скорее всего, будет идентичность в интересах государства. Государству нужно будет действовать не только в собственных интересах, но и в интересах в интересах граждан. То есть, появится и больше патриотизма, прежде всего, появится больше ответственности, как у государства, так и у граждан. И вот это совместное взаимодействие приведет к положительному результату.

Сейчас государство живет само по себе, а граждане – сами по себе. То есть, нет такой единой цели. Граждане живут некими ячейками, в кругу семьи, например. Семья – это и есть мой народ. Мне кажется, нам нужно что-то с этим делать, прежде всего, с помощью интеллектуальной элиты, поскольку она является «родителем» именно гражданской идентичности, создавать усилия, проводить какие-то мероприятия, которые формируют идентичность и, прежде всего, ориентироваться на молодежь, на нас. Спасибо.

В.Т. Сакаев: Вывод: надо стимулировать идентичность. Может ещё кто-нибудь хочет задать вопросы, высказаться?

А.Г. Большаков: Василь Тимерьянович! Опять ведь государство – основной субъект. То, о чем мы говорили ...

Э.Х. Аетдинов: Мне представляется, что нужно учитывать размеры страны и территорий. Идентифицировать себя легче на малой площади, чем на большой. Потому что эта идентификация не контролируется умом, взглядом. Человеку легко вникнуть в суть дела, если это происходит рядом.

М.Д. Щелкунов: В шаговой доступности.

Э.Х. Аетдинов: Да. Но если это происходит где-то далеко, допустим, то тогда возникают проблемы.

О.И. Зазнаев: Сейчас, в условиях СМИ проблемы с тем, как приблизить человека к власти, к территориям каким-то, нет. «На дворе» сейчас не XIX век.

Э.Х. Аетдинов: С одной стороны, согласен.

М.Д. Щелкунов: Олег Иванович, это виртуальное приближение. А мы хотим, всё-таки, чтобы гражданская идентичность реальной была.

О.И. Зазнаев: А реальной она должна быть на местах.

Э.Х. Аетдинов: Согласен, Олег Иванович. Но с другой стороны, знаете, повлиять на власть в условиях шаговой доступности всегда можно. А виртуальное пространство создаёт информацию, но не даёт возможности воздействовать на власть. Почему в самой Москве власть пытается как-то задобрить население? Потому что если Москва поднимется, то можно и не совладать с протестами.

Г.Б. Липартелиани: Вот я как раз хотел бы именно этот момент отметить: соотношение местного понимания гражданской идентичности и общегосударственного. Вот в этом, по-моему, проблема Российской Федерации и состоит. Пока Россия не сможет выработать (речь идет о государстве) некую программу подъема национальных единиц, до тех пор, видимо, в России ничего и не удастся сделать в этом направлении. Вы правильно говорите (*обращается к Э.Х. Аетдинову – прим. ред.*), да, мне проще, потому что я здесь нахожусь. И легче общаться, и, наверное, общий язык найдем... А вот когда мы в масштабах государства, вот здесь большая путаница возникает. Интеллектуальная элита этого не может сделать. Тут, по-моему, прерогатива государства, оно должно что-то дать такое, понимаете, может быть слабоинтеллектуальное.

Андрей Георгиевич зачитывал, меры официальные перечислял. С ними можно согласиться или нет. Это слабоинтеллектуальный продукт власти, но это уже что-то позитивное. А дальше уже интеллектуальная элита должна довести это «до ума». Но пока как-то мы не видим в этом направлении особых подвижек, к сожалению. По-моему вот в этом и проблема состоит как раз, что на местном уровне мы все понимаем, а как на государственном уровне, то там что-то не срабатывает. В этом проблема Российской Федерации.

В.Т. Сакаев: Есть еще один вопрос.

Студент: Как Вы считаете, можно ли достичь в современной образовательной системе оптимального преподавания гражданской идентичности? Что должны делать преподаватели, чтобы довести до нас способы формирования гражданской идентичности? Спасибо.

Все: Гражданская идентичность не преподается... она формируется.

О.И. Зазнаев: Если говорить предельно кратко, то я думаю, что преподавателю нужно не только квалифицировано вести свои предметы, но и свою гражданскую позицию выражать. Поэтому мне кажется, что все от преподавателя зависит, чтобы он выходил за рамки своего курса.

В.Т. Сакаев: Хорошо, спасибо. Можно бесконечно смотреть на огонь, на работу людей, и, оказывается, можно ещё бесконечно говорить об идентичности. Время нашего круглого стола подошло к завершению.

Мне хотелось бы сказать, что, конечно, сегодняшний круглый стол – замечательное событие в жизни университета, города, республики. Это уже второе обсуждение проблем идентичности в Набережных Челнах. В прошлом году мы говорили о политической идентичности. Сегодня, мне кажется, состоялась очень интересная дискуссия о гражданской идентичности. Правильно сказал Андрей Георгиевич, мы, конечно же, в рамках дискуссии не способны наметить конкретные планы и программы действий по формированию идентичности, но это и не наша задача.

Спасибо всем, кто принял участие в сегодняшней дискуссии.

СВЕДЕНИЯ О ФАКУЛЬТЕТЕ И КАФЕДРАХ

Философский факультет был основан в 2007 на базе одной из старейших в университете кафедр – кафедры философии. Факультет насчитывает 6 кафедр – общей философии, социальной философии, религиоведения, политологии, конфликтологии и философской антропологии, на которых осуществляется подготовка по следующим направлениям: «Политология» (реализуется с 1999 года), «Философия» (с 2000 г.), «Религиоведение» (с 2005 г.), «Конфликтология» (с 2009 года) (все – бакалавриат); «Философия», «Религиоведение» (магистратура).

Декан философского факультета – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан Михаил Дмитриевич Щелкунов.

Сегодня численность студентов превышает 500 человек. 87% преподавателей факультета имеют ученые степени. На факультете работают 3 члена-корреспондента АН РТ, 13 профессоров, 41 доцент. Факультет имеет в своем распоряжении достаточное количество площадей: 9 оборудованных учебных аудиторий, компьютерный класс, мультимедийную аудиторию.

Профессорско-преподавательский состав факультета участвует в исследовательских проектах различного уровня, среди которых – НИР государственного задания Казанского университета 2012 года «Конструирование российской идентичности как основы культуры толерантности».

Философский факультет занимает ключевое место в структуре классического вуза, каким является КФУ. На факультете даётся фундаментальное гуманитарное образование, позволяющее выпускнику успешно проявлять себя в самых разных сферах деятельности. Факультет стремится сочетать глубокую теоретическую подготовку с прикладными исследованиями. Выпускники философского факультета работают в государственных структурах, информационно-аналитических агентствах, службах крупных компаний, СМИ и вузах.

Адрес: 420008. Казань. Ул. Пушкина 1/55. Ауд. 211 (деканат)

Тел: (843)2920686

E-mail: philosophy.dep@ksu.ru

Страница факультета: <http://www.kpfu.ru/f18/index.php>

Кафедра политологии в Казанском университете была образована одной из первых в России в 1990 году. Кафедра реализует образовательную программу по специальности «политология» (до 2015 г.), по направлению подготовки «политология» (бакалавриат). Планируется открытие магистратуры в 2013 году. Функционирует аспирантура и докторантура, совет по защите докторских и кандидатских диссертаций. Таким образом, создан полный цикл обучения профессиональных политологов.

Сегодня на кафедре работает 9 штатных преподавателей. Среди них 3 доктора наук и 5 кандидатов наук. Кафедру возглавляет доктор юридических наук, профессор Олег Иванович Зазнаев.

Тематика исследований преподавателей кафедры весьма разнообразна: федерализм, политическая регионалистика, формы государственного правления и взаимоотношения между ветвями государственной власти, этнополитические процессы, политические традиции, политическая идентичность, выборы и избирательный процесс. На протяжении ряда лет кафедра занимается методологическими вопросами политологии.

Монографии и учебные пособия преподавателей кафедры неоднократно становились призерами ежегодных конкурсов – на лучшее печатное издание Казанского государственного университета и на лучшие научные работы российских политологов Российской ассоциации политической науки. Преподаватели кафедры регулярно получают гранты на проведение политологических исследований, поездки на научные конференции и стажировки за рубежом. На базе кафедры политологии регулярно проходят научные мероприятия (конференции и круглые столы). Кафедра занимается разработкой проблем, имеющих прикладной характер, осуществляя анализ и прогноз процессов политической жизни Республики Татарстан.

Кафедра политологии оказывает учебно-методическую помощь недавно созданной кафедре политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ.

Адрес: 420008, Казань, ул. Пушкина, 1/55. Ауд. 216.

Тел: (843)2929113

E-mail: politology20@mail.ru

Страница кафедры: http://www.kpfu.ru/main_page?p_sub=7830

Кафедра конфликтологии была создана приказом ректора 20 сентября 2011 года. На кафедре осуществляется подготовка конфликтологов (бакалавров) – специалистов по выявлению, экспертизе, управлению и разрешению конфликтов. В ближайшее время планируется открыть магистратуру по направлению «Корпоративный конфликт-менеджмент».

В настоящее время на кафедре работают 7 штатных преподавателей. Среди них один доктор наук и 6 кандидатов наук. Возглавляет кафедру доктор политических наук Андрей Георгиевич Большаков.

Основная деятельность кафедры конфликтологии связана с преподаванием общепрофессиональных и специальных конфликтологических дисциплин. Содержание образовательных программ отражает последние достижения отечественной и зарубежной конфликтологии и учитывает теоретико-прикладной и аналитический характер данного направления.

Тематика исследований преподавателей отделения включает в себя организационные и социально-трудовые конфликты; этнические противоречия; политические и внутренние вооруженные конфликты; проблемы непризнанных государств, политического экстремизма и терроризма. Профессорско-преподавательский состав принимает активное участие в научных и научно-практических конференциях, круглых столах и иных мероприятиях, посвященных исследованию конфликтологических проблем.

Кафедрой реализуются инновационные проекты: Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремистской деятельности при ИНО КФУ (директор центра – доцент кафедры конфликтологии Олег Викторович Маврин), который предназначен для получения навыков практической конфликтологии и медиации студентами отделения конфликтологии; Виртуальная научно-исследовательская лаборатория конфликтологии; Конфликтологическая клиника – некоммерческая организация, целью которого является оказание помощи населению при разрешении конфликтов. Открыта Лига медиаторов Поволжья.

Адрес: 420008, Казань, ул. Пушкина, 1/55. Ауд. 217.

Тел: (843) 2927993

E-mail: ksu_conflictology@mail.ru

Страница кафедры: http://www.kpfu.ru/main_page?p_sub=7831

Кафедра политических наук Набережночелнинского института (филиала) КФУ действует с 2010 г. На кафедре работают 2 доктора и 7 кандидатов наук. Заведующим кафедрой является Сакаев Василь Тимерьянович, кандидат исторических наук, доцент.

Кафедра являет выпускающей по двум специальностям высшего профессионального образования 030201.65 «Политология» и 080504.65 «Государственное и муниципальное управление».

Основное научное направление кафедры – это исследование политических институтов и этнополитических процессов в регионах России и на постсоветском пространстве. За три года своего существования кафедра принимала участие в проведении Всероссийской научной конференции «Политика в изменяющемся мире: конфликты, решения, инновации» (июнь 2010 г.), нескольких межвузовских круглых столов с участием ведущих политологов республики. Преподавателями кафедры изданы 2 монографии и более 10 статей в международных журналах и изданиях ВАК, установлены тесные научные контакты с рядом университетов ближнего и дальнего зарубежья, получено несколько грантов. Ряд преподавателей кафедры прошли стажировки в ведущих зарубежных и российских научно-образовательных центрах. С 2012 г. при кафедре функционирует научно-исследовательская лаборатория «Центр социальных исследований».

Почтовый адрес: 423812, г. Набережные Челны, пр. Сююмбике, 10А, Набережночелнинский институт (филиал) КФУ, кафедра политических наук.

Тел: (8552) 387728

E-mail: sakaev2003@mail.ru

Страница кафедры: <http://www.fksu/political/>